УДК 37.015
ББК 74.03

О.Ю. Абакумов

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ САРАТОВСКОГО КОМВУЗА: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

O.Yu. Abakumov
The First Years of Work of the Saratov Communist University: Formation of the Stuff Training System

The formation of the managerial stuff training system by the example of the Saratov Communist University work is studied. Historical features of functioning of a new educational institution are considered.

Key words and word-combinations: Communist university, managerial stuff training, educational process.

Исследуется становление системы подготовки управленческих кадров на примере работы Саратовского коммунистического университета. Рассматриваются исторические особенности функционирования нового учебного заведения.

Ключевые слова и словосочетания: Комвуз, подготовка управленческих кадров, учебный процесс.

История подготовки советских управленческих кадров начинается с деятельности краткосрочных курсов агитаторов и инструкторов при ВЦИК, преобразованных в январе 1919 г. в Школу советской работы. На ее базе, по постановлению VIII съезда РКП(б), была открыта Центральная школа советской и партийной работы, во второй половине 1919 г. реорганизованная в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова [1, с. 109–111].

С 1920 г. по всей стране стала создаваться сеть партийных школ, ориентированных на быструю политическую подготовку кадров, проявивших себя в практической деятельности. По воспоминаниям руководителя Саратовской губсовпартшколы Н.Н. Гуляева, идея создания коммунистического университета в Саратове появилась совершенно случайно. В декабре 1921 г. на первом Всероссийском совещании руководителей совпартшкол и политпросветкурсов обсуждался вопрос о

целесообразности открытия комуниверситета в Нижнем Новгороде, однако саратовская делегация заручилась поддержкой делегаций Царицынской, Астраханской, Тамбовской и Самарской губерний и убедила совещание учесть экономические, культурные факторы развития региона, а также то, что Саратов является университетским городом, обладающим квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами, и принять решение об открытии коммунистического университета в Саратове [2, с. 2]. В мае 1922 г. это решение было поддержано Саратовским губкомом РКП(б).

18 сентября 1922 г. Р.И. Малецкий [3, с. 164], бывший ответственный секретарь Саратовского губкома, в июне назначенный ректором Саратовского коммунистического университета, принял участие в совещании подотдела пропаганды ЦК РКП(б). В своем докладе Малецкий предложил схему функционирования Комвуза: «Саратовский университет рассматривается как университет временного и боевого характера. Соответственно этому конструируется и правление университета. Ректор выдвигается Губкомом и утверждается Главполитпросветом. Помощники ректора – точно так же. Затем в правление войдут представители преподавателей и студентов... Лекции будут сведены на нет. Центр тяжести будет лежать на урочной системе. Материальные условия хорошие. Студенты будут работать часть учебного дня в классах, часть в клубах. Общежитие для студентов пригодно для занятий. Самоуправление несомненно будет развито, но в определенных рамках. Учет работы будет поставлен широко, путем личных опросов, зачетов и т.п.» [4, л. 22].

Члены президиума ячейки Комвуза. 1925 г.

В октябре 1922 г. было утверждено Положение о Саратовском областном коммунистическом университете, устанавливавшее, что СОКУ – «высшее учебное заведение, имеющее своей целью подготовку марксистски образованных партийных и советских работников губернского и областного масштаба. Университет находился в непосредственном ведении Главполитпросвета Наркомпроса». Создаваемое учебное заведение было ориентировано на точное выполнение правительственных директив. Сама конструкция фразы Положения о коллегиальном органе управления подчеркивала подчиненное положение этой структуры даже в решении текущих вопросов: «Руководство учебно-воспитательной и административно-хозяйственной деятельностью университета принадлежит, под общим наблюдением и контролем Главполитпросвета, Правлению Университета» [4, л. 26].

Предполагалось, что обучение будет вестись по отделениям. Отделение экономических наук должно было осуществлять подготовку руководителей и работников государственных хозяйственных органов, кооперативов и профдвижения; административно-правовое – руководителей и работников административных органов, работников юстиции; педагогическое – педагогов школьного типа, пропагандистов, руководителей политико-просветительных работ, партийных работников и журналистов. Таким образом, создаваемые в стране коммунистические университеты «непосредственно включались в политическую систему государства в качестве важных элементов, обеспечивающих реализацию кадровой политики» [5, с. 7].

В ноябре 1922 г. в здании бывшей Второй женской гимназии, расположенной на Первомайской улице, дом 75, начал работу Саратовский областной коммунистический университет (СОКУ). Университет создавался как комбинат, собрав под единым началом студентов-комвузовцев, курсантов губернской и уездной совпартшкол. Формирование контингента студентов шло по разнарядке ЦК РКП(б). Саратовскому и Самарскому губкомам было выделено по 45 мест, Царицынскому и Астраханскому губкомам, Юго-Восточному бюро по 20, Тамбовскому губкому – 25 мест. [4, л. 74] Позже в сферу образовательной деятельности добавились Пензенская губерния и Область немцев Поволжья.

Накануне вступительных испытаний руководство Саратовского Комвуза разъясняло губкомам, что «посылаться должны лучшие товарищи, обещающие сложиться во время курса в работников более крупного масштаба (губернского и областного). В первую очередь направляются члены РКП и во вторую очередь – беспартийные, преданные Советской Власти и сочувствующие РКП». Попутно уведомив губернские власти о том, что направляемые должны быть «снабжены постельным бельем (одеяло, 3 простыни, матрац и 2 наволочки), нижним бельем (две смены), верхней одеждой, обувью, зимним пальто, посудой (2 тарелки, 1 ложка, вилка, чайный стакан)» [4, л. 12].

Согласно первым Правилам приема, в СОКУ принимались «рабочие и крестьяне не моложе 18 лет» [4, л. 40], однако это правило вряд ли строго соблюдалось. Среди студентов первого набора рабочих и крестьян было 88,7%. Интересно, что по социальному происхождению преобладали крестьяне (58,1%), а рабочих было только чуть больше 30%. Членами и кандидатами в члены РКП(б) были 65%, членами РКСМ 25% студентов, беспартийными 10%. Опыт ответственной партийной или советской работы имели 57% обучавшихся. Почти половина студентов служили в рядах Красной армии и участвовали в Гражданской войне. Женщины в студенческой среде составляли 18,7%, из них 77% были в возрасте от 17 до 25 лет. Журнал «Вестник Саратовского губкома РКП» отмечал: «Красное студенчество комуниверситета можно охарактеризовать как молодую по возрасту, в подавляющем большинстве партийную, рабоче-крестьянскую, испытанную в ответственной работе, на службе в Красной армии и в Гражданской войне революционную силу» [6, с. 58–59]. Правила приема, кстати, постоянно корректировались. На следующий учебный год было четко зафиксировано, что «нисший возраст определяется в 19 лет», беспартийные на учебу не принимаются. Социальная динамика послереволюционных лет потре-

бовала корректировки и классовых критериев отбора: «В Комуниверситет принимаются только лица, занятые физическим трудом, т.е. рабочие и крестьяне, непосредственно связанные с производством» [4, л. 142].

В опубликованной информации о наборе на 1924/25 учебный год уточнялся состав: младшая возрастная группа (22–25 лет) 21 человек и старшая (31–35 лет) 12 человек, а также «один товарищ выше 35 лет». По социальному положению среди студентов было 19 крестьян, 2 батрака, 24 рабочих и 22 служащих, то есть вырос не только удельный вес рабочих, но и представителей интеллигенции. В отношении партийности точные цифры не указаны, но отмечено, что если в наборе 1923/24 г. кандидаты в члены партии составляли 10% , то в следующем наборе не состоящих в партии уже не было [7, с. 39]. В дальнейшем переживания руководителей были связаны с необходимостью увеличения партстажа направляемых на учебу. Таким образом, Комвуз становился действительно партийным учебным заведением.

Для того чтобы поступающие могли успешно сдать экзамены, в ноябре 1922 г. были организованы своеобразные подготовительные курсы по общеобразовательным предметам. Экзамены проводились по русскому языку (устный и письменный), арифметике (устный и письменный), естествознанию, географии и обществоведению. По русскому языку требовалось «грамотно и складно» написать сочинение на предложенную тему, а также прочитать и связанно пересказать предложенный текст; по арифметике – производить действия с простыми и десятичными дробями; по естествознанию и географии – ориентироваться в самых общих вопросах; по обществоведению – владеть основами политэкономии по учебнику А.А. Богданова «Введение в политическую экономию», а также знать Программу партии на основе книги Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма» и брошюры А.С. Бубнова «Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» (1921 г.) [6, с. 58].

В экзаменационную комиссию для «большей индивидуализации испытаний» были переданы анкеты испытуемых, чтобы преподаватели могли «видеть перед собой и социальное происхождение, и степень участия в гражданской войне, и общественный стаж испытуемого». Наиболее важным показателем для поступления на учебу были не знания, а «общественное развитие», те же, кто демонстрировали «недостаточно отчетливое знание главнейших частей курса», после краткой подготовки проходили повторные испытания.

Занятия в Саратовском областном коммунистическом университете начались 14 декабря 1922 г. В этот день состоялось торжественное заседание, в котором приняли участие делегаты пленума губкома РКП(б), руководители губернских партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов. Обращаясь к студентам Комвуза как будущим деятелям мировой революции, ректор Р.И. Малецкий говорил: «Возлагая на вас большие надежды, мы убеждены, что выработаем из вас надежных и сильных борцов за Мировую Коммуну». Приветствовавшая от имени губкома Э.Р. Петерсон была весьма воинственно настроена: «Мы низвергли господствовавший класс капиталистов, мы должны в огне революционной идеологии сжечь и его идеи. <…> Да здравствует комму-

нистическая интеллигенция!» – закончила она речь, адресуя здравицу сидящим в зале проводникам марксисткой идеологии. Выступивший от имени комитета профсоюзов А.А. Алексеев выразил радость трудящихся от нового достижения революции – «открытия новой школы коммунизма» [8, с. 2]. Боевой заряд энергии созидания был получен.

К занятиям в Комвузе приступило 160 человек, разделенных на четыре учебные и одну подготовительную группы. Почти 70% были направлены на учебу Саратовским губкомом РКП(б).

Вопреки недавним оптимистическим заверениям, звучавшим в ЦК РКП(б), администрации и студентам Комвуза почти сразу пришлось столкнуться с многочисленными трудностями: самыми тяжелыми были перебои в снабжении. Уже в январе 1923 г. правление университета обратилось с просьбой о помощи к Тамбовскому, Царицынскому губкомам и обкому РКП Республики немцев Поволжья, отмечая, что ежемесячные субсидии Саратовского губкома в размере 6 тыс. рублей недостаточны. «Наркомпродовская пайка (муки – 0,5 фунта, крупы – 15 фун., мясо-рыбы – 11½ фун. и жиров – 2½) совершенно не удовлетворяют минимальных потребностей студентов. При значительной нагрузке развивается малокровие, истощенность со всеми последствиями – работа рушится. Во имя целей, преследуемых университетом, окажите братскую помощь, по возможности, в виде ежемесячной субсидии», говорилось в письме руководства СОКУ [4, л. 115].

По словам инспектировавшего университет в марте 1924 г. ответственного работника Главполитпросвета А.Ф. Рындича, у Комвуза были проблемы и с организацией учебного процесса, и с проживанием студентов: «Ввиду того что аудиторное здание частью занято под общежитие, оно не удовлетворяет требованиям учебной части, не позволяя развернуть кабинеты и сильно стесняя деятельность клуба. Не более благополучно обстоит дело и в общежитии. Оно в силу неустранимых особенностей здания грязное, темное, с неудовлетворительной системой отопления» [9, л. 19]. Учащихся бытовая неустроенность не смущала. Студент Н. Зеленяк вспоминал это время восторженно: «Сперва мы жили в здании университета в комнатах по 14 человек. Удобно. Спустились вниз на урок. После окончания последнего забирались наверх и – дома» [2, с. 2].

Невысокий уровень подготовки слушателей требовал от преподавателей особых методических приемов, четкого формализованного изложения учебного материала: «развитие темы в сжатой деловой беседе с необходимыми иллюстрациями», а затем резюмирование содержания проведенной беседы по намеченной в начале урока схеме. Работа преподавателя считалась «достаточной», если он «вызвал оживленные вопросы, обмен мнениями». Такой тип занятий определяли как урок или «работа просеминарского типа» [6, с. 59]. При изучении физики, химии, ботаники большое внимание уделялось работе в специализированных кабинетах.

Несмотря на анонсированный на подготовительном этапе отказ от лекционной системы, к ней пришлось все же обратиться: приглашаемые профессора следовали традиционной для университета системе изложения учебного материала, охотно отвечая на вопросы студентов. Наряду с лекциями-беседами по

общеобразовательным предметам большое внимание уделялось самостоятельной работе студентов в «шестерках» – малых группах, в которых повторялся пройденный материал, составлялись общие конспекты, редактируемые преподавателями, готовились домашние задания. На зачете преподаватель имел дело не с отдельным студентом, а с «шестеркой», выясняя в ходе беседы уровень знаний каждого. Как видим, речь шла о получении элементарных знаний, которые практики революционной идеи не могли получить в условиях культурной разрухи.

Бюро парторганизации Комвуза. 1928 г.

Для преподавания приглашались ведущие специалисты саратовских вузов, вынужденные подрабатывать везде, где только было возможно. Занятия по русскому языку вел лингвист А.Ф. Ефремов (впоследствии доктор филологических наук, профессор педагогического института), естествознание преподавал профессор В.В. Челинцев (основатель и бессменный заведующий кафедрой органической химии Саратовского госуниверситета, с 1933 г. член-корреспондент АН СССР), историю – Г.Г. Кассандров (впоследствии кандидат исторических наук, доцент педагогического института), политэкономию – П.С. Лебединский (впоследствии профессор).

В то же время марксистских преподавательских кадров катастрофически не хватало. В этих условиях Комвуз выступил с инициативой открыть при университете институт научных сотрудников. Первый набор состоял из 16 человек, имевших высшее, незаконченное высшее или среднее образование (рабочий, член РКП(б) А.Е. Розенштейн вообще был самоучкой). Наиболее важным фактором в селекции будущих преподавателей был опыт пропагандистской работы. Слушателей распределили по секциям: историческая, экономическая, право и диалектический материализм. Научное руководство осуществляли профессора Саратовского университета: по отечественной истории – П.Г. Любомиров, по всеобщей истории – В.А. Бутенко, по диалектическому материализму – И.П. Разумовский, по праву – М.П. Коваленков. Поскольку не все они были марксистами, то им в «помощь» прикреплялись преподаватели Комвуза в качестве руководителей соответствующих предметных комиссий. Институт научных сотрудников просуществовал до замены его аспирантурой в 1932 г. За время своего существования институт подготовил преподавателей-марксистов практически для всех вузов города (П.К. Топилин, В.С. Ундревич, М.Н. Валов, Л.В. Ганжинский, Н.К. Мирошкина, А.Х. Клячко и др.), крупных ученых, получивших признание в стране

(Р.С. Левина – впоследствии член-корреспондент АН СССР, И.И. Шелымагин, Ф.Х. Бахтеев, А.П. Гагарин и др.).

В целом учебной части удалось обеспечить неплохие итоговые результаты первой сессии: успешно сдали испытания в основных группах 90,5% студентов, не выдержали 4,5% (5% не сдавали сессию по уважительной причине) [6, с. 60].

По признанию проректора по учебной части В.Г. Ильинского, «громоздкость и академичность были теми особенностями, которыми страдали разработанные программы и учебный план» [2, с. 1]. Следуя партийным директивам, понимая изъяны учебного процесса, преподаватели стремились к новым методическим приемам. Например, по русскому языку изучение фонетики, морфологии и синтаксиса сопровождалось развитием навыков по составлению докладов и тезисов на основе материалов XII съезда РКП(б). А в качестве итоговых экзаменационных тем сочинений были предложены: «Единый сельскохозяйственный налог и промышленность» и «На чем зиждется союз рабочих и крестьян». Даже по математике «работа по раскрытию математических формул проходила в связи с практикой жизни» [6, с. 46].

При составлении учебных планов Саратовский Комвуз выступил со своим оригинальным подходом к учебному процессу. Проректор по учебной части В.Г. Ильинский писал о новом «стержневом» методе: «В своей педагогической работе мы центром сделаем современную технику и экономику сельского хозяйства и промышленности на первых 2-х курсах, а на 3-м курсе диалектический метод в приложении к революционной борьбе рабочего класса в эпоху империализма и диктатуры пролетариата» [10, с. 47]. Дисциплины первого курса должны были быть сориентированы на нужды сельского хозяйства, а второго курса – на потребности промышленности.

В университетском отчете сообщалось: «Учебные курсы строились с практическим уклоном, для чего помимо лабораторных работ организовывались экскурсии на природу и на фабрично-заводские предприятия». Экскурсии на промышленные предприятия, кроме образовательных задач, преследовали цели «сближения студентов с рабочими массами в обстановке их производственной работы». Студенты знакомились с работой парторганизации, месткома, клуба, рабочей школы, общежития, детдома, накапливая материалы для последующего изучения экономической географии, политэкономии, научной организации труда. Обилие задач, стоящих перед экскурсионным занятием, не только выдает поверхностный подход к научно-технологическому компоненту ознакомительного мероприятия, но и свидетельствует о возможности лишь беглого знакомства с социально-политическими проблемами коллективов предприятий, не изучения проблем, а принятия тех догм, которые насаждали партийные лидеры и руководители хозяйственных структур мимолетным визитерам. Достижением нового метода считалось то, что «студенты 2 курса уже могут ориентироваться в серьезных научных трудах и что при всем этом в ком. университете нет академизма. Твердо и упорно студенты ком. университета грызут гранит науки» [11, с. 118].

Практические навыки студенты демонстрировали во время так называемой работы по прикреплению и шефства. Прикрепление сразу вошло в учебный строй Комвуза и преследовало несколько целей: приобретение навыков практи-

ческой работы, знакомство с жизнью рабочих коллективов, так как большинство студентов были крестьянами, помощь райкомам и первичным парторганизациям в организационно-пропагандисткой работе. Как правило, студенты становились руководителями партийных, политических, женских кружков на предприятиях города; 14 коммунистов и 5 комсомольцев работали в подшефной Широкинской волости (села Широкое, Идолга, Каменка, Сторожевка, Шевыревка и коммуна «Заря Свободы»). Студенты периодически выезжали в села для проведения курсов политграмоты, обследования хозяйственного состояния коммуны, организации и оборудовании народного дома в Широком. Комсомольцы-студенты помогали в работе сельских кружков политграмоты и выпуске стенгазеты, а в коммуне «организовали естественно-научный кружок из комсомольцев и пионеров». Судя по тому, что на будущее решено было выработать программу с «сельскохозяйственным уклоном», первый опыт шефства был не очень удачный.

Формально студенты шефствовали и над 94-м полком 32-й дивизии (обмен делегациями на торжественные мероприятия и «устройство в полку летучих митингов-концертов»). Еще более скудным был перечень мероприятий, содержавшийся в заметке под заглавием «Шефство над военно-морским флотом». Автор публикации в журнале «Коммунистический путь» студент В. Ромакин по поводу переписки с пятью комсомольцами, посланными на Балтфлот, уточнял, что «имеется связь» со вторым учебным отрядом Черноморского флота, еще только «организуется уголок военмора» и делаются отчисления на военно-морскую литературу [11, с. 124].

В начале 1923/24 учебного года университет оказался перед угрозой закрытия, но настойчивость ректора и представленные программы и учебные планы убедили секретариат ЦК РКП(б) сохранить Комвуз, сократив его численность на 70 человек [2, с. 1]. В результате улучшилось финансирование университета, но сохранялись прежние недостатки: слабая связь с производством и большая перегрузка студентов учебными занятиями. Чтобы изменить ситуацию, на весну 1924 г. планировалось организовать экскурсии в Москву и Ленинград для знакомства с фабрично-заводской промышленностью, партийной и культурной жизнью. После каникул студенты должны были отправляться в комвузовский совхоз, где «хозяйственная работа будет согласована с чисто учебной. Для этого отведена одна десятина пахотной земли» [11, с. 120].

Учебная часть пошла на радикальное снижение нагрузки студентов, причиной стало переутомление и развитие неврастении у 70% студентов. О причинах такого положения на заседании правления 10 марта 1924 г. говорил врач университета Янсюкевич: «Главная и основная причина этих явлений – прошлая общественная и революционная работа, неблагоприятные условия, переутомление, голодовка и проч. <…> Пройдя такую суровую школу жизни, с самого начала революции без всякого отдыха начали учиться, где теперь приходится констатировать у большинства отсутствие дисциплины ума и отсутствие навыка к систематическим занятиям. Неумение концентрировать свою мысль на известных ассоциациях приводило к непроизводительной затрате нервно-мозговой энергии» [9, л. 17]. Объем учебных занятий был уменьшен с 30–35 часов до 25 часов

в неделю, и количество невротиков сократилось, хотя неврастения оставалась в числе наиболее распространенных расстройств будущих партийных и идеологических работников.

27 сентября 1924 г. опыт работы Саратовского Комвуза анализировался на заседании отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В целом деятельность Комвуза оценивалась положительно, но было отмечено, что в учебном плане большое внимание уделяется на первом курсе естествознанию, математике и физической географии, что приводит к сокращению часов на общественные дисциплины, и в частности на историю РКП(б). Ранее специальной директивой было установлено, что на изучение истории партии, Коминтерна, основам ленинизма и практики революционного строительства должна быть отведена четвертая часть учебного времени. До прямых обвинений в академизме дело не дошло, но на увлечение дисциплинами, подтягивавшими общеобразовательный уровень студентов, в ущерб идеологической обработке было указано. Критиковалось университетское руководство и за организацию «партийной практической работы студентов», за увлечение ее формой, а не содержанием [12, л. 86].

Студенты Комвуза. 1929 г.

Осенью 1924 г. вновь последовала реорганизация учебного процесса. «Стержневой» метод оказался невыполнимым: зимой первокурсников приходилось отправлять на промышленные предприятия для «прикрепленческой» работы, а летом всем дружно выезжать на сельскую практику для массовой политической работы в деревне. На новом этапе определяющим в учебном процесс стал лабораторный план. Центрами самостоятельной исследовательской работы студентов по естественнонаучным дисциплинам стали предметные кабинеты, оснащенные необходимыми пособиями, экспериментальными материалами, инвентарем для проведения опытов, и библиотека, так как главным по общественным наукам был принят реферативный метод. Полученные навыки студенты демонстрировали на практике, участвуя в кампании «Лицом к деревне» в Курдюмской волости.

Специфическим продолжением учебного процесса была кружковая деятельность. В состав университетского клуба входили кружки: антирелигиозный, общественно-исторический, литературный, драматический, хоровой, изобразительных искусств и другие. Их набор постоянно менялся, например в отчете 1924 г. упоминался кружок изучения пролетарской Германии [11, с. 119]. Зачастую в оболочку кружка маскировались дополнительные занятия. Так, 28 февраля 1923 г. в «Саратовских известиях» сообщалось, что общественно-исторический

кружок Комвуза успел «проработать основные моменты истории экономического быта до капиталистического периода». Этим кружком, обсуждавшим «текущие внутренние и международные события», руководил ректор Р.И. Малецкий, а заседания кружка посещало 172 человека – больше, чем тогда обучалось в вузе [13, с. 2]. Через 15 номеров в той же газете уже без партийно-политического пафоса признавалось, что общественно-исторический кружок осуществлял лишь начальную политграмоту: «Это вызвано тем, что контингент слушателей в большинстве своем (70–80%), оказался политически малограмотным. Отсюда и задача общественно-политического кружка: дать основные понятия общественных явлений и этим самым подготовить почву для прохождения общественных наук в дальнейшем» [14, с. 3].

Аналогичная ситуация была и в других тематических группах. В литературном кружке, «помимо вовлечения членов в непосредственное творчество на темы текущей действительности», проходило изучение теории литературного творчества и истории литературы: анализировались «быт прежних эпох и современный быт, социальные основы старого и нового быта, старая и новая психология, литературный язык». В 1923/24 учебном году в литературном кружке заслушивались рефераты: «История пролетарской поэзии», «Творчество Алексея Гастева», «Творчество Петра Орешина», «Крестьянская поэзия»; обсуждались литературные произведения членов кружка: «9 января», «Утро студента», «Родное село», «Ночь на Волге», «Люблю» [15, с. 55].

Драматический кружок не только работал «в направлении выработки правильного дыхания и дикции». Кружок был разделен на старшую и младшую группы. В первой работа сводилась «к практическому изучению драматического искусства на классических пьесах Островского и на современных пьесах революционного содержания, к работе над этюдами (импровизациями) и над инсценировкой стихотворений»; в младшей группе «к изучению гекзаметра, чтению революционных стихотворений, а также художественных произведений Пушкина, Гоголя и др.» [16, с. 48–49]. «Показательная» работа драмкружка выразилась в сценических постановках в дни революционных праздников (в 1924 г. кружок поставил «2 революционные пьесы и 15 номеров декламации») [17, л. 53–53 об.].

Хоровой кружок «ввел изучение нотной техники, затем разучивание хоровых и сольных пьес с голоса и рояля». Великорусский струнный оркестр исполнял революционные и народные музыкальные пьесы на университетских мероприятиях. Кружком изобразительного искусства руководил художник профессор Ф.В. Белоусов, которым был «проведен целый ряд содержательных бесед по технике рисования, о методах наблюдения природы, характере и соотношении цветов и др.» [6, с. 60]. В кружке физкультуры тренировалось «вольное движение, пластика, ритм», что демонстрировалось в выступлениях на пролетарских праздниках. Со второго учебного триместра физкультура стала обязательной для всех студентов, и «занятия проводились 4 раза в неделю с 8 до 10 часов утра на центральной спортплощадке, организованной губкомом РКСМ» [16, с. 49]. В комуниверситете активно работала редколлегия, выпускавшая двухнедельную газету «Резервы марксизма».

Задуманный трехлетний план обучения для первого набора комвузовцев осу-

ществить не удалось. В марте 1925 г. отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б) согласился с решением губкома РКП(б) и правления университета о досрочном выпуске третьего курса и направлении студентов на практическую работу. Большая часть выпускников (64 чел.) была направлена на «деревенскую работу»: секретарями волостных комитетов РКП(б) – 6 человек, комитетов РКСМ – 5 человек, на советскую работу – 4 человека, на комсомольскую – 5 человек, в женские организации – 10 человек... 32 выпускника остались в городе: пятеро из них продолжили учебу в институте научных сотрудников, семеро работали в печатных органах, трое – в профсоюзных органах, двое – в рабоче-крестьянской инспекции, двое – на организационно-партийной работе, двое – в губернском суде, один – в прокуратуре [18, л. 21 об.].

Саратовский Комвуз появился в результате настойчивости местных губернских властей и инициативы, предприимчивости организаторов и проводников идеи коммунистического просвещения. СОКУ был своеобразной экспериментальной площадкой, на которой отрабатывались новые марксистские методики преподавания общеобразовательных дисциплин, естественных и общественных наук, технологии соединения теоретического обучения с практическими навыками организатора и пропагандиста. Комуниверситет и институт научных сотрудников стали стартовыми площадками для энергичных молодых людей, вышедших из низов старого общества, принявших идеологию большевизма и посвятивших себя разработке теоретических вопросов марксистской идеологии и педагогической деятельности в рамках формировавшейся парадигмы.

Библиографический список

1. *Фильченков М.П.* Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1.

2. Резервы марксизма. 1925. 13 дек., № 4 (35).

3. *Абакумов О.Ю.*, *Соломатина С.М.* К 90-летию института: руководители учебных заведений системы подготовки партийных и управленческих кадров в Саратове // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32).

4. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1.

5. *Константинова Л.В.* Политический вуз: особый статус в условиях общественных трансформаций // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32).

6. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 4 (29).

7. Коммунистический путь. 1925. № 32.

8. Саратовские известия. 1922. 17 дек., № 289.

9. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 834.

10. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 8 (33).

11. Коммунистический путь. 1924. № 13/14.

12. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 52.

13. Саратовские известия. 1923. 28 февр., № 47.

14. Саратовские известия. 1923. 20 марта, № 63.

15. Студенческая мысль.1923. № 8/9.

16. Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. № 7 (32).

17. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 10.

18. ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 54.